

ЛОМОНОСОВ – ПЕВЕЦ ЕКАТЕРИНЫ

Елена Погосян

„Царствование Екатерины, ставленницы среднего дворянства, было решительно неблагоприятно для Ломоносова, – писал П.Н. Берков в 1936 году. – Он не только не был «взыскан милостями» новой императрицы, но даже испытал явное унижение: в то время, как Сумароков, хотя и не осуществивший своего плана – стать поэтическим выразителем правительственного курса, – был первым поименован в подписанном Екатериной в день коронации указе и пожалован из бригадиров в статские советники, Ломоносов был 2 мая 1763 года уволен «в вечную от службы отставку», правда, тоже с производством в статские советники. Впрочем, через несколько дней указ этот был аннулирован Екатериной. Тем не менее, песня Ломоносова была спета. Он пишет еще изредка оды, сочиняет «слова» и прочее, но для русской поэзии 60-х годов он прошлое, а не настоящее.» (Берков 1936: 273).

Причину такой ситуации исследователь объяснял, вслед за П.П. Пекарским, тем, что еще до переворота Екатерина и Ломоносов принадлежали разным „партиям”. В конце царствования Елизаветы „при дворе уже успели образоваться две партии, одна, более многочисленная и сильная, держалась так называвшегося тогда старого двора, который находился вполне в распоряжении Шуваловых; другая, менее значительная, состояла из приверженцев великой княгини Екатерины Алексеевны и считала своими покровителями графов Разумовских (...). Первые выпрашивали милости Ломоносову, вторые восхищались и держали в милости Сумарокова”, – писал Пекарский (Пекарский 1870-73: II: 533-534).

В 1935 году С.Н. Чернов в статье *М.В. Ломоносов в одах 1762 г.* подробно проанализировал первую „екатерининскую” оду Ломоносова. Подчеркнув, вслед за М.И. Сухомлиновым, „тематическое совпадение” данной оды с манифестами Екатерины, изданными сразу по восшествии на престол, он пишет: „Казалось бы, Екатерина поэтому должна была быть довольна этою одою М.В. Ломоносова.

Однако никаких известий о том, чтобы она осталась ею довольна, нет. Наоборот, между нею и им в течение долгого времени, несмотря на все его дипломатические ходы и славословия, несмотря также на его более чем просто заметное положение в русских интеллигентных кругах, отношения остаются тяжелыми. Очевидно, императрица или была недовольна одою или, по крайней мере, недостаточно довольна ею.” (Чернов 1935: 178). Причину этого С.Н. Чернов видит в том, что, используя слова манифестов Екатерины, Ломоносов „придал им характер поучения не назад, Петру III, а вперед, Екатерине”, чем „не мог не задеть” императрицу (*там же*, 179-180).

Именно такая точка зрения на эту оду – как на слишком радикально истолковавшую положения манифестов Екатерины и потому неугодную последней – была принята и позднейшими комментаторами Ломоносова. Так, А.А. Морозов в 1986 году указывал, что Екатерина „осталась недовольна (...) публицистической направленностью этой оды” (Морозов 1986: 509).

Уже сама постановка вопроса представляется несколько неточной. Ломоносов мог „не отгадать” монарших планов и тогда какие-то строфы могли прозвучать несвоевременно.¹ Однако нельзя согласиться с тем, что в намерения поэта входило поучать императрицу или даже угрожать ей. И древняя, и современная история для Ломоносова была такой же „натурой”, как, например, северное сияние. Он

---

¹ Именно так случилось с одой 1742 года, которая увидела свет лишь в составе *Собрания сочинений* Ломоносова 1751 года, так как ее антишведские настроения не соответствовали намерениям правительства заключить со Швецией мир. Возможно, причина того, что Екатерина не выразила своего отношения к оде 1762 года (нам ничего не известно о том, что Екатерине эта ода не понравилась), была похожей. Известно, что уже сразу после переворота императрица отказалась от мысли продолжать войну. 28 июня на этот предмет был послан рескрипт в действующую армию. Но фельдмаршалу Салтыкову, который, не зная о сохранении мира, возобновил военные действия, Екатерина писала: „Однако ж будьте уверены, что я и все верные сыны отечества весьма довольны вашим поступком, что вы велели занимать королевство Прусское. Авось Бог даст переделывать по своему несносный сей мир” (Бильбасов 1900: 107). Ода Ломоносова могла вызвать именно такую реакцию Екатерины: в своей оде Ломоносов показал себя таким же „верным сыном отечества”.

был ее наблюдатель, „читатель”, интерпретатор, в его задачи входило найти смысл, сформулировать закон, объяснить факты, очевидцем которых он был, а не поучать монархиню, которой он служил.

В приведенных мнениях творчество Ломоносова екатерининского периода рассматривается, исходя из фактов биографического характера. Так, П.Н. Берков, как мы видели, смотрит на творчество Ломоносова последних лет через призму 50-х годов: они определяют положение Ломоносова при Екатерине, а этот биографический ряд, по мнению исследователя, определяет и официальную оценку ломоносовских панегирических опытов, и реальное их значение для русской литературы.

Для С.Н. Чернова факты биографии Ломоносова – неприязненное и настороженное отношение к нему императрицы – становятся отправной точкой исследования: он пытается обнаружить причины сложного положения Ломоносова при Екатерине в первом публичном выступлении поэта данного периода.

В 1948 году вышел восьмой том академического издания сочинений Ломоносова, которое было начато еще Сухомлиновым. В этом томе была опубликована переписка Ломоносова с комментариями Л.Б. Модзалевского. Работа с письмами последних лет позволила комментатору сделать ряд важных заключений. Так, он проследил реальную динамику отношений императрицы и поэта. „Первая половина 1764 г. вообще прошла под внешними проявлениями особенно «милостливого» отношения Екатерины к Ломоносову”,² – пишет Л.Б. Модзалевский (Ломоносов 1948: 280).

Обратимся к фактам. Ломоносов подал в отставку 24 июля 1762 года, вслед за известием о повышении Тауберта: Тауберт был „в случае”, Ломоносов требовал повышения, исходя из установившейся практики, как старший. Уже на следующий день по подаче прошения об отставке, Ломоносова посетил Ф.Г. Орлов, обещал покровительство Г.Г. Орлова, и с ним Ломоносов передал документы, удостоверяющие его достижения в науках. Однако даже

---

2 Л.Б. Модзалевский рассматривает эти „милости” как „тонкий политический ход” со стороны императрицы, направленный по адресу Западной Европы (Ломоносов 1948: II пагин.: 281).

покровительство Орловых не помогло Ломоносову, а, возможно, даже помешало: именно в первые месяцы своего правления Екатерина настойчиво пытается освободиться от опеки Орловых. В феврале 1763 г. М.И. Воронцов советовал Ломоносову прекратить временно хлопоты перед императрицей, что „может быть теперь многим подвержено трудностям” (*там же*, 263). Приблизительно на это время приходится перелом в отношении Екатерины к Ломоносову: она интересуется материальным положением поэта, делает запрос о том, в самом ли деле Ломоносов обойден в повышении младшими по чину (то есть в самом ли деле нарушены установившиеся нормы) (*там же*, II пагин.: 269, 270).

Екатерина подписала указ об отставке только в мае и почти сразу отозвала его из Сената. После истории с отставкой Екатерина с большим вниманием относится к работам и проектам Ломоносова. Можно указать, например, на снаряжение экспедиции по проекту Ломоносова, личные указы императрицы о сборе минералов для его работ, сведений для атласа, который он составлял, „личные” заказы, например, заказ „географических” и из русской истории обоев для апартаментов Екатерины; выбор Ломоносова членом Академии художеств, заказ стихотворения, которое появилось вместе с манифестом о создании Воспитательного дома; на работу Ломоносова по личному указанию императрицы над организацией департамента „агрикультуры”; многочисленные встречи, о которых Ломоносов писал Михаилу Ларионовичу Воронцову 19 января 1764 года: „Чувствую ея государскую милость довольно: несколько раз изволила меня приглашать к себе в комнаты, и довольно со мною разговаривать о науках с оказанием своего всемилостивейшего удовольствия” (Ломоносов 1893: 361), наконец, личное посещение Ломоносова императрицей.

То есть отношение Екатерины к Ломоносову не было неизменно отрицательным. Очевидно, что „немилость” – результат того мнения, которое сложилось у Екатерины о Ломоносове до переворота. Ломоносову потребовалось не менее полугода на то, чтобы склонить к себе императрицу.

Сумароков, несмотря на пожалование во время коронации и разрешение печатать его оду, посвященную перевороту, как и последующие, на деньги кабинета

императрицы (оба жеста императрицы – несомненные знаки того, что Сумароков должен был стать официальным, оплачиваемым придворным поэтом), очень быстро перестал интересоваться Екатериной. Екатерина, став императрицей, была заинтересована в реальной идеологической работе – ода Сумарокова 1762 года не только не успела за ломоносовской, но, составленная из нескольких стандартных комплиментов эпохи „Трудолюбивой пчелы”, совершенно не отвечала новой ситуации. Представляется, что ода Ломоносова ей отвечала в значительно большей степени и, возможно, сыграла положительную, а вовсе не отрицательную роль во взаимоотношениях поэта и императрицы.

Использование официальных документов в панегирической литературе является ее регулярным признаком. Однако факт использования Ломоносовым тех или иных положений манифестов Екатерины в одах 1762 и 1763 года важен для решения вопроса о том, как Ломоносов читал эти манифесты, какой круг идей, важных для Ломоносова и в предшествующую эпоху, оказался актуальным теперь; что именно из утверждений и доводов императрицы Ломоносов переносит в свои оды, в какой контекст эти екатерининские рассуждения попадают у Ломоносова, как он их осмысляет.

То есть речь должна идти не о том, как бы императрица могла понять оду 1762 года (у нас нет материалов ни для утверждений, что ода понравилась, ни для утверждений обратного характера), а о том, как Ломоносов понял манифест.

Один из центральных вопросов, который решает Ломоносов в оде 1762 года и который стоит в центре екатерининских манифестов этих дней, – вопрос о законности власти новой императрицы.³

---

3 Цель манифестов, также, как и оды Ломоносова, вовсе не заключалась в том, чтобы дать стройное философское или богословское описание форм законной передачи царской власти и проблемы власти вообще (в этом смысле упреки Екатерине в том, что она уже в первом манифесте отступилась от тех философских идей, поклонницей которых была до вступления на престол, представляются несколько натянутыми): идеология подчинена совсем иным ритмам и осуществляет совсем иные задачи. Идеологические (политико-идеологические) системы выстраиваются как системы, способные интерпретировать данный набор обстоятельств, данную ситуацию(при этом ситуация

Манифест 7-го июля писал о Петре III: „Он *возмечтал* о своей власти Монаршей, яко бы оная не *от Бога* установлена была и не *к пользе и благополучию подданных* своих, но *случайно к нему в руки впала* для собственного его угождения” (Бильбасов 1900: 85).⁴ Здесь противопоставлены две позиции по отношению к монаршей власти: Екатерина всякую власть рассматривает как законную („от Бога установлена”, то есть следует норме и традиции в лице Прокоповича), в то же время Петр Федорович ошибочно полагает („возмечтал”), что власть может „случайно (...) в руки впасть”.

Ломоносов в *Слове похвальном Петру Великому* в 1755 году писал: „Хотя бы еще кому *сомнительно* было, *от Бога* ли на земли обладатели поставляются, или *по случаю* державы достигают” (Ломоносов 1898: 363). Эти слова – пересказ надписи, которая была написана Ломоносовым к проекту фейерверка на день рождения Елизаветы в 1753 году:

О вы, которы все *по рассуждению* злomu
Обыкли *случаю* приписывать слепому,
Уверьтесь нынешним превожделенным днем,
Что *промысл вышнего господствует* во всем.
(Ломоносов 1986: 244).⁵

У Ломоносова существует некоторый условный оппонент, носитель „злого” рассуждения, который отрицает божественную природу всякой власти, события же, история (в *Слове* это воцарение Елизаветы Петровны) опровергают его мнение. У Екатерины условный оппонент превращается в свергнутого монарха, а опровергает его мнение ее воцарение.

Вернемся к манифесту. И Петр III, и Екатерина, как говорит манифест, – законные властители. Но природа их власти различна. Так, когда Екатерина обвиняет Петра III в незаконном („презрел он и законы естественные, и

априорно признается истинной и не нуждается в оценке – или исконно ложной и может быть лишь заклеимлена) и в этом они в корне отличаются от любого философского построения.

4 Здесь и ниже *курсив мой* – Е.П.

5 Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

гражданские” [Бильбасов 1900: 86] – то есть и как отец, и как монарх) отъятии у Павла Петровича права быть наследником, она добавляет: „забыв правило естественное, что кто большего права другому дать не может, как то, которое сам получил” (*там же*). Петр III получил власть по праву крови, как ближайший родственник Елизаветы Петровны (сама она получила престол именно как дочь Петра I и законно передала его „по крови” – то есть не преступая прав, которые получила, взойдя на престол). Здесь власть Петра III явно противопоставлена тем правам, которые присвоил себе Петр I – выбрать наследника. Именно как такой выбор в официальной идеологии рассматривалось коронование Екатерины I. Так, Ломоносов, говоря о вопросах престолонаследия, сравнивал в 1764 году царствующую императрицу с Екатериной I:

Той Петр вручил, сей вверил Бог! (177).

То есть природа власти Петра Великого была иной, его права были шире.

Вопрос о статусе власти Петра интересовал Ломоносова до переворота. В декабре 1760 года из печати вышла первая песнь поэмы *Петр Великий*, где Ломоносов подробно описывает воцарение Петра.

Вопросы престолонаследия автор решает с подчеркнутой ориентацией на *Правду воли монаршей*. В использовании этого трактата он допускает двойной анахронизм: во-первых, Софья и патриарх в прениях о наследовании времен стрелецкого бунта говорят словами Прокоповича; во-вторых, рассказ об этих событиях передан Петру, но Петру только что восшедшему на престол, а не конца царствования. Однако для Ломоносова именно в этом трактате отразились и язык, и идеология петровской эпохи.

Здесь царевна Софья противопоставлена патриарху. Первая выступает за объявление царем старшего из братьев – Иоанна и указывает, что

(...) вопиет *естественный закон*,
Что меньший старшему отъемлет брату трон (290).

Патриарх выдвигает другой принцип престолонаследия (и позиция патриарха, с точки зрения Ломоносова, законна):

Slavica tergestina 4 (1996)

От жизни отходя и брат твой, и родитель
Избрание Петра препоручили нам (290).

(Федор, как получивший власть по крови не может сам передать свою власть иным способом и поручает патриарху „избрать” Петра.) Также описывает природу своей власти и сам Петр у Ломоносова:

Перед кончиною мой старший брат признав,
 Что средний в силах слаб и внутренне не здрав,
Способность предпочел *естественному праву*
 И мне препоручил Российскую державу (289).

Петр Великий у Ломоносова – монарх, избранный („Мы *избрали* Петра и сердцем, и языком”, 290) по „способности” в нарушение естественного права. Нарушение „закона” в престолонаследии – но не самовластием, а всенародным избранием, – знак того, что избранный монарх „от промысла избранный человек” (288), как Ломоносов характеризует Петра Великого в поэме. И полномочия такого „избранного промыслом” монарха значительно шире, чем права монарха „по крови”.⁶

Когда Екатерина указывает в манифесте на поправление „естественных прав”, то это не „жизнь, свобода, имущество”, в терминологии философов – учителей императрицы, она апеллирует к совсем другой системе представлений.

В оде 1762 года вопрос о природе власти Екатерины решен Ломоносовым очень отчетливо:

Уже для обществу покрову
 Согласно всех душа готова
 В ней дочь Петрову возвратить (170).

6 При этом необходимо учитывать, что поэма в своей трактовке проблемы взаимоотношений „монарх/подданный” отличается от всех панегирических произведений, написанных до 1762 года. И различие это, по всей вероятности, носит не жанровый характер, а определено темой – воспеванием Петра Великого, власть которого отличается по своей природе от власти царствующей императрицы (императриц и императоров). И именно по той же причине близкими оказываются в творчестве Ломоносова Петр Великий и Екатерина (здесь, конечно, для Ломоносова речь не шла о сопоставлении масштаба личности императора и его „внуки”, речь шла о типе власти и соответственно о том, как она меняет формы взаимоотношения монарха и подданного).

Общество (Ломоносов называет подданных именно „общество“) здесь выбирает Екатерину из соображений собственной безопасности, то есть ищет монарха, который будет „народну наблюдать льготу“ (173), оно – носитель единого мнения, оно „согласно“ избрать Екатерину.

В оде на новый 1764 год Ломоносов вновь обращается к этой проблеме:

Усыновленна добродетель
Российский украшает свет (...)
Усердие всего народа
Крепит, как кровная природа (177).

Здесь избрание сопоставляется „кровной природе“, но как такая же законная власть. Избрание, как и в оде 1762 года, и в манифестах, выражается в „усердии *всего* народа“. „Добродетель“ указывает, что выбор был осуществлен „по способности“.⁷

И для императрицы, и для Ломоносова законная власть могла быть очень различной по своей природе. Определяя свою власть как власть „по способности“, Екатерина, естественно, должна была доказать неспособность своего супруга (показательно, что когда речь зашла об Иоанне Антоновиче, Екатерина опять на первый план выдвигает его „неспособность“).⁸

Мы видим, что Ломоносов не просто „следует“ манифестам Екатерины. Напротив, императрица, определив свою власть как выборную, обратилась к своеобразной концепции, в рамках которой власть Петра Великого

---

7 Сухомлинов обратил внимание на то, что слова Ломоносова „усыновленна добродетель“ нашли отражение в *Борисе Годунове* Пушкина. Можно с уверенностью утверждать, что эта формула является характеристикой избранного монарха. Наследственный монарх связан со своим народом „по крови“, выборный монарх должен его „усыновить“ (или быть им усыновлен) (Ломоносов 1898).

8 В манифесте от 17 августа 1764 года – о суде над Мировичем – императрица писала об Иоанне Антоновиче: „Мы увидели в нем, кроме весьма ему тягостного и другим почти невразумительного косноязычества, лишение разума и смысла человеческого.“ (*там же*, 333).

рассматривалась как власть избранного монарха.⁹ Екатерина обратила в манифесте на себя систему идей, выработанных Ломоносовым в поэме для описания Петра Великого и, как бы продолжая диалог, Ломоносов именно эти идеи положил в основу своей первой екатерининской оды.

В то же время уже в первой екатерининской оде, как впоследствии и в других панегириках нового царствования, заметно меняются стереотипы описания монархини: перед Ломоносовым стояла задача описать власть не наследственную, а выборную.

В оде 1762 года Ломоносов последовательно разделяет, в определенном смысле противопоставляет, подданных и монархиню:

*Спешим Отечество покрыть
Вослед премудрой героине (171);*
И купно сердце всех пылает
О целости *ее и нас* (172);
Склонила высоту небес
От злой судьбы *себя избавить*,
Над нами царствовать поставить (175);
Хранить *свою с моею* славу (183) и др.

Эта же тема получает развитие и в последующей, последней оде Ломоносова, написанной в 1763 году. Мы видим, что судьба монархини и судьба ее подданных не совпадают, что „спасти себя” и „спасти нас” – действия отдельные: „Екатеринин рок и общей” (275), – пишет Ломоносов в 1764 году.

Взаимоотношения предшествующей императрицы и ее подданных особенно отчетливо описаны Ломоносовым в надписях на фейерверки. Выделение именно этой темы как центральной для надписи определялось тем, что семантика фейерверка в целом была подчинена эмблематическому значению этого типа зрелища. Огни фейерверка всегда знаменуют чувства подданных к монархине и, в то же время, обращены ко „всевышнему”.

9 Это тем более интересно и показывает связь избрания с представлениями поэта о различных типах власти, что Михаил Романов у него – наследственный монарх.

Мы ныне празднуя тот час благословенный,
 Огнями кажим огонь, во всех сердцах возжженный.
 О если б с внутренним огонь внешний равен был,
 Он выше бы восшел в ночь блещущих светил (223).

Как правило, в надписи три действующих лица (иногда одно из них может только подразумеваться): монархиня („ты”), подданные, народ („мы”) и „Он” – Бог, „промысел”. Их взаимные отношения и составляют смысловой каркас любой надписи Ломоносова (и надписи на фейерверк вообще). Так, например, в 1751 году Ломоносов писал по случаю празднования дня рождения Елизаветы:

Рукою вышнего *нас ради* насажденна
 Ты силою его повсюду покровенна.
 Мы, сердце возводя и очи к небесам,
 Согласно просим все: «Поддай, о боже, нам,
 Да солнце милости сиять к ней не престанет (...)» (216).

Здесь „Вышний” „насаждает” власть монархини и „покрывает” ее, но объектом его действий является „народ”: „нас ради”, – пишет Ломоносов. Монархиня является здесь „орудием”, формой божественного покровительства. Эта тема у Ломоносова очень устойчива и даже получает идиоматическое выражение – „нам тобою”:

Но где прекраснее селение покою
 Как то, монархиня, что *дал нам Бог тобою?* (222);

(...) всевышний споспешает,
 На верхний *нас* степень *тобою* поставляет (229) и др.

Точно так же трактует отношения монархини с подданными и „всевышним” и ломоносовская ода, например:

На глас *себя он наш* склоняет (139);

Как в имени *твоём* предвечный
 Поставил *нам* покоя сень (150) и др.

В *Слове похвальном Петру Великому* Ломоносов предпосылает описанию дел Петра панегирическое вступление, обращенное к Елизавете. Таким образом, два монарха в *Слове* оказываются сопоставлены. Елизавета,

как монархия „по крови” сохраняет те же признаки, что и в оде. Ломоносов сравнивает ее вступление на престол с царствованием первых Романовых: „раздраженный Бог” поработил Россию „чужому языку”, но „стенанием” и „вопьем преклоненный” посылает наследственного государя (Ломоносов 1898: 364).¹⁰ Такой государь является и знаком, и формой божественного покровительства. Речь идет о взаимоотношении Бога и народа, монарх – лишь форма таких отношений.

Царствование Петра для Ломоносова не определяется отношениями Бога и народа. Оно определяется отношениями самого монарха с Богом. Ломоносов многократно подчеркивает личные заслуги монарха как причину благосклонности небес: „Бог в награждение трудов неусыпных воздал Петру совершенную победу”; „Помог Всевышний Петру преодолеть все тяжкие препятствия, и Россию возвысить. *Споспешествовал Его благочестию, премудрости, великодушию, мужеству, правде, снисходительству, трудолюбию*” (Ломоносов 1898: 374, 383).

Сходным образом характеризует Ломоносов отношения власти Екатерины к божественному промыслу:

Екатеринин рок и общий отвратил (249)

– пишет Ломоносов. Екатерина – носительница своей личной судьбы, и божественное покровительство, которым она пользуется, существует помимо молитв подданных. Она сама „склонила высоту небес” (175). Как следствие такой оценки, актуальной становится тема молитвы Екатерины (молитва Елизаветы, при всей реальной набожности императрицы, лишь один раз косвенно отражена в надписи: все подданные молятся о наследнике и Елизавета „соединяет” с ними свой „глас” [Ломоносов 1893: 121]). Екатерину Ломоносов изображает в церкви:

¹⁰ Ломоносов не считал Михаила Федоровича избранным царем. Так, в *Идеи для живописных картин из российской истории* он включил сюжет «Право высокой фамилии Романовых на престол Всероссийский»: „Царь Федор Иванович, приближаясь к кончине, при патриархе Иове и при боярех подает скипетр брату своему двоюродному боярину Федору Никитичу Романову” (Ломоносов 1948: II пагин.: 293).

Екатерина в божьем храме
С благоговением стоит.
Хвалу на небо воссылает (173).

Такую же картину Ломоносов рисует и в *Слове похвальном Петру Великому*: „Его веселие был дом Господень; не слушатель токмо предстоял божественной службе (...) с простыми певцами на ряду стоял перед Богом” (Ломоносов 1898: 383-384), – пишет Ломоносов о Петре Великом. То есть „встать на ряду” со своими подданными для монарха в системе политических идей Ломоносова – это значит резко расширить границы своей власти и повысить ее статус.

Описывая Екатерину, Ломоносов использует идеологему, которая традиционно характеризовала у него именно подданных – подданный „радуется” перед лицом монарха и перед лицом „всевышнего”. Но Елизавета никогда не становится сама носительницей радости – она ее источник. Екатерина, напротив,

Сияет радостным лицом (182);
(...) учит,
Как с радостью носить державу (183).

Личное обращение ко „всевышнему”, борьба за свою личную судьбу делают Екатерину в изображении Ломоносова подчеркнута активной, борющейся с судьбой.

От злой судьбы себя избавить (175)

– одна из целей Екатерины в перевороте. В оде 1763 года Ломоносов опять возвращается к этой мысли:

Послушнице твоей, судьбе (176)

– пишет он и подчеркивает, что такая активность в борьбе с судьбой – личная характеристика Екатерины:

Одолеваешь зиму, снега,
Таков Екатеринин нрав (178).

Отношения монархини и подданных в панегириках, посвященных Екатерине, у Ломоносова приобретают

значение отношений монархини и „общества”. Так, в несомненно заказном стихотворении (оно появилось в печати в составе брошюры *Учреждение императорского Воспитательного дома для приносных детей и госпиталя для бедных родильниц в столичном городе Москве* [СПб. 1763], содержащей в числе прочих официальных документов манифест Екатерины II) Ломоносов очертил эти отношения следующим образом:

Блаженство общества всядневно возрастает;
 Монархиня *труды к трудам соединяет*.
Стараясь о добре великих нам отрад
 О воспитании печется малых чад; (...)
 Внемите важности *монаршего примера*:
 Екатерина вас предводит к чести сей,
Спешите щедростью, как верностью, за ней (279).

Мы видим, что монархиню и общество связывают отношения пользы (блаженство общества, добро отрад) и примера. Указания на такой тип отношений мы находим и в других произведениях Ломоносова этой эпохи.

Независимость существования общества, единство его „мыслей”, польза и пример, которые определяют отношения монарха и общества (к этому можно прибавить многочисленные размышления Ломоносова в анализируемых произведениях о законе, общих правах и т.п.) – все это может быть прокомментировано как комплекс идей, которые будут более подробно разработаны в *Наказе* Екатерины, но которые, без сомнения, входили в ежедневный политический обиход императрицы.

Однако Ломоносов не просто вводит их в оду, он вводит их в контексты, отсылающие к ключевым политическим представлениям его оды, он адаптирует идиоматику, оставляя за пределами оды тот круг идей, который они могли представлять. Его представления о природе власти оставались вне зависимости от того или иного жеста императрицы, но всякий жест императрицы по логике оды должен был быть описан как принадлежащий этой системе. Политические идеи императрицы Ломоносов толкует как форму выражения особого статуса власти Екатерины – ее выборного характера.

Так, еще одна новая тема ломоносовской оды эпохи Екатерины – тема подчинения всех личных интересов императрицы служению своему народу:

Монархиня труды к трудам соединяет (279);

Она о подданных покое
Печется, ночь вменяя в день (178);

Твой труд для нас обогащенье (...),
И неусыпность наш покой (181).

Деятельность императрицы Ломоносов описывает в категориях „своего” и „общего”:

Что *общее* добро *своим* довольством числит (248)

– писал он в послании Г.Г. Орлову.

Известно, что Екатерина с первых же дней стала демонстрировать свое личное участие в управлении государством. Такого же участия она требовала и от „общества”. Так, на запрос коллегии иностранных дел о том, каким образом будут теперь вестись дела („Прежде было всегда такое обыкновение, что для неутруждения многим и излишним чтанием, подносимы были государям экстракты только из министерских реляций, заключающие в себе нужнейшее к сведению”), она отвечала: „Точные реляции ко мне принести” (Ломоносов 1898: 114). Вопросы о „неутруждении” или „излишнем чтении” для Екатерины не стояло. Участие же общества в управлении выразилось еще задолго до открытия комиссии по составлению уложения в учреждении огромного числа комиссий, каждая из которых занималась решением какого-либо определенного вопроса.

Исследователи неоднократно использовали воспоминания Екатерины о первом ее посещении заседания Сената. Однако нас интересуют не столько факты плачевного состояния дел после небрежения Елизаветы Петровны и Петра III, сколько формулировки Екатерины. Она писала: „Сенат начал с представления о крайнем недостатке в деньгах. (...) Императрица Елизавета в конце своей жизни собирала возможно более денег и держала их при себе, ничего не употребляя на нужды империи; в государстве всюду чувствовалась нужда, почти никто не получал жалованья.

Почти также поступал Петр III. Когда у них спрашивали денег на государственные потребности, они с гневом отвечали: «Найдите денег, где хотите; эти припрятанные деньги – наши.» *Он, как и его тетка, отделял свои личные нужды от потребностей империи.* Екатерина, видя настоятельную нужду, объявила в полном собрании сената, что, *принадлежа сама государству*, она считает и все, принадлежащее ей, собственностью государства, и чтоб на будущее время не делали *никакого различия между интересом государственным и ее личными.* Такое заявление вызвало слезы на глазах всего собрания.”¹¹

Эти слова не были поздней рефлексией. В манифесте *О лихоимстве*, например, она писала: „Не снискание высокого имени Обладательницы Российской; не приобретение сокровищ, которыми паче всех земных Нам можно обогатиться; не властолюбие и не иная какая корысть, но истинная любовь к отечеству и всего народа, как Мы видели, желание понудили Нас принять сие бремя правительства. По чему мы не токмо все, *что имеем или иметь можем*, но и самую Нашу жизнь на отечество любимое определили, *не полагая ничего себе в собственное, ниже служба Себе самим*, но все труды и попечение подъемлем для славы и обогащения народа Нашего.”¹²

Во время коронации, когда объявлены были „милости” императрицы, было указано: „Вышеупомянутые пенсии годовые пожалованы по смерть из собственной Ея Императорского Величества комнатной суммы, так как из той же суммы и все прочие денежные награждения.”¹³

Но такое неразделение государственного и личного переворачивало ситуацию, превращая награды из государственных в формы личной благодарности императрицы за участие в перевороте, то есть заявленное отсутствие личных интересов у императрицы и подчинение их государственным получало совсем иной смысл – резкое расширение сферы личной активности императрицы, значения ее личности.

11 *Собственноручные воспоминания Екатерины II об одном из первых заседаний ее в сенате после возшествия на престол*, в: РА 1865: 489.

12 ПСЗРИ N 11616.

13 „СПб. ведомости”, 1762: N.64.

Ода 1762 года необычна для Ломоносова еще в одном аспекте. Традиционно композиционным стержнем оды является фигура повествователя. „Ода распадается на ряд лирических отрывков, связанных чаще всего вставными строфами, в которых введена тема самого поэта, носителя лирического волнения”, – писал Г.А. Гуковский (Гуковский 1927: 18). При этом поэт – носитель восторга, обозначается в оде как „я”, но не носит реально-биографических черт: он не лирический герой оды, а одна из ее условностей. В противовес условному субъекту похвалы, ода обязательно включает и „реальный” субъект – это народ, подданные, „мы”. Он является носителем оценки и участником исторического действия, которое созерцает одописец – „я”.

В оде 1762 года – первой екатерининской – в противовес устоявшейся у Ломоносова системе, „я” в оде не появляется вообще. Однако речь идет не о композиционном изменении оды: переходы от одной темы к другой по-прежнему сопровождаются переходом от одного „видения” к другому. Однако Ломоносов избегает именно местоимения „я” – он замещает его метонимически:

О коль видение прекрасно!
О коль мечтание ужасно!
Что смотрит сей, что слышит град? (171)

В другом случае в функции „я” – носителя восторга, выступают „Невски музы”.

Похожую тенденцию – стремление избежать прямого использования местоимения „мы” – можно найти в некоторых надписях в случае, когда в ее состав вводится молитва. „Мы” как обозначение подданных в надписи на фейерверк имеет подчеркнуто условный характер: надпись на фейерверк (и проект фейерверка в целом) всегда пишется на заказ и не может появиться без санкции монархини. Но в то же время смысл ее, как было указано выше, заключался в выражении эмоции подданных (хотя какая-либо инициатива подданных в подготовке ее отсутствует).

Соответственно, в случаях „неконвенциональных”, как, например, молитва подданных, Ломоносов стремится заместить „мы” каким-либо аллегорическим персонажем,

например, Россией, Москвой.¹⁴ Этот эффект не является регулярным правилом для ломоносовской надписи, но как тенденция он довольно заметен. По всей вероятности, стремление Ломоносова к исключению „я” как носителя восторга в оде 1762 года связано с изменением позиции „неконвенционального” повествователя.

Дальнейшую трансформацию образа повествователя панегирика можно проследить на примере стихотворения, посвященного Екатерине, – *О небо, не лишай меня очей и слуха*. По объему оно примыкает к жанру надписи, но резко отличается введением „я”. Обращение к Екатерине отличается еще и тем, что „я” здесь получает у Ломоносова автобиографические черты. Он здесь не „всякий” подданный. Во-первых, здесь указывается на реальные, известные императрице обстоятельства: его болезнь, просьбу об отставке и готовность к дальнейшей службе:

О небо, не лишай меня очей и слуха
(Ломоносов 1893: 270).

Во-вторых, Ломоносов называет себя „премудрый”, то есть в определенном смысле очерчивает ту роль, которую он на себя берет (или, возможно, которую „предлагает” ему императрица, роль, которая может быть разыграна при такой императрице и которую потом будут играть при ней Вольтер, Гримм и Дидро).

В оде 1763 года эта автобиографическая тема получает еще более подробное развитие (в то же время в оде есть и традиционный носитель восторга – Парнас: „Возвыси ныне светлый глас”, – обращается к нему „я” оды, тем самым выделяя свою особую роль, отличную от носителя восторга).

Пою наставший год: он славен (176),

---

14 „Как ныне зря тебя, красуется Москва,
Гласит: о боже, дай, чтобы Елизавета
С усердьем нашим к ней свои сравнила лета” (220);
„Россия (...)
Проси, как просишь ты, от вышнего проси
И громкий к нему глас и сердце вознеси” (226) и др.

– начинает Ломоносов оду и через две строфы снова подчеркивает:

Пою, как пел Петрову дочь (176)

(то есть у повествователя оды есть „прошлое” – его оды, посвященные Елизавете).

Показательно, что последние слова оказались пуантом и смысловым центром устного рассказа княгини Дашковой о посещении Екатериной Ломоносова летом 1764 года. В этом рассказе Екатерина обращается к Ломоносову со словами: „Приветствуя меня с новым годом, вы сказали, что так же усердствуете ко мне, как и к дочери Петра Великого.” (Глинка 1865: 244). Рассказывая о личном посещении поэта императрицей, Дашкова приводит слова, которые в оде демонстрируют особый характер отношений подданного и монархини. То есть и факт посещения, и легендарные рассказы о нем уже были „предсказаны” в оде Ломоносова: Ломоносов описывает отношения с монархиней, которые должны включать такие личные встречи.

Кроме этих автобиографических черт в оде 1763 года находим:

Ни моего преклонность века,
Что слабит дух у человека
Ниже гонящий в гроб недуг,
Ниже завистливы злодеи,
Чрез вредны воспетят затеи
Почтительный к монархам дух (176).

Вернемся к стихотворению *О небо, не лишай меня очей и слуха*. Его звучание необычно не только потому, что все оно выдержано строго от лица поэта, как если бы это было частное обращение к императрице.¹⁵ Оно неожиданно для Ломоносова и для панегирической русской традиции и потому, что обращается к монархине на „вы”.

---

15 Можно было бы отнести это стихотворение за пределы панегирика, даже несмотря на использование характерной идиоматики, но и тогда оно окажется вне традиции – русская литература XVIII века не знала жанра послания, обращенного к монарху.

Блажен, кто зрит чудясь Монарши дива в *вас*
 Блажен, кто слышит *ваш*, Екатерина, глас
 Приятной/Любимой быть, владеть судьба *вас* одарила...
 (Ломоносов 1893: 270).

По мнению Сухомлинова, стихотворение описывает одну из личных встреч Ломоносова с Екатериной. Обращение к монархине на „вы” в личной беседе – это обращение к ней как к лицу, персоне. Введение такого обращения в панегирический по своей идиоматике текст трансформирует объект панегирика.

Екатерина в своих указах разрушала привычное представление о том, что монарх в своем частном быту отделен от государства. В интерпретации Ломоносова этот факт получает иное преломление: для него императрица как лицо, личность императрицы оказывается включена в ряд базовых официальных идеологических понятий, которые описывают власть выборного монарха. Деятельность такого монарха обращена не к „хору” подданных, но к „обществу” – коллективу единомышленников. А это означает, что каждый может представлять всех подданных перед императрицей, может обращаться к ней от своего имени, как Ломоносов – „премудрый” – выступает от своего. Изменение стереотипов поведения монархини влечет за собой, как мы видели, изменение повествовательной структуры панегирика.

В статье *Очерки по литературе первой половины XVIII века* Л.В. Пумпянский указывал, что 1762-1763 гг. „имеют в истории русской оды особое значение, что видно уже из того, что на каждый из предшествующих годов падает никак не больше пяти торжественных од (обыкновенно 1-3), между тем как под 1762-м годом нам лично известно 25 од, почти столько же под 1763-м (на деле было еще больше), а далее (даже до турецкой войны) одическая продукция почти не ослабевает, а в 1768-1772 гг., естественно, расширяется. Ода именно с 1762 г. становится массовым явлением. Еще большее расширение (до 50 одних нами зарегистрированных на каждый год) произойдет в годы второй турецкой войны, Французской революции и II и III раздела Польши” (Пумпянский 1935: 120). К этому времени, по мнению исследователя, окончательно сложился репертуар „общих

мест” похвальной оды, начинается процесс ее широкого репродуцирования.

Однако для того, чтобы ода стала массовым явлением, чтобы право обратиться к монархине с одой мог присвоить себе всякий подданный, а не только лицо, представляющее Академию наук или Московский университет, должна была быть выработана система представлений об изменившихся нормах поведения подданного перед лицом монарха. Творчество Ломоносова екатерининской эпохи во многом было обращено к решению этой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков, П.Н.
1936 *Ломоносов и литературная полемика его времени*, М.-Л. 1936.
- Бильбасов, В.А.
1900 *История Екатерины второй*, Берлин 1900: II.
- Глинка, С.Н.
1865 *Из записок Сергея Николаевича Глинки, от 1802 до 1812 года*, „Русский вестник”, 1865 (июль).
- Гуковский, Г.А.
1927 *Русская поэзия XVIII века*, Л. 1927.
- Ломоносов, М.В.
1893 *Сочинения*, с объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова, СПб. 1893: II.
1898 *Сочинения*, с объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова, СПб. 1898: IV.
1948 *Сочинения*, М.-Л. 1948: VIII.
1986 *Избранные произведения*, (Библиотека поэта. Большая серия), Л. 1986.

- Морозов, А.А.
1986 *Вступительная статья, составление и примечания*, в: Ломоносов, М.В., *Избранные произведения*, (Библиотека поэта. Большая серия), Л. 1986.
- Пекарский, П.П.
1870-73 *История имп. Академии Наук в Петербурге*, СПб. 1870-73: I-II.
- Пумпянский, Л.В.
1935 *Очерки по литературе первой половины XVIII века. II: Ломоносов в 1742-1743 гг., в: XVIII век*, М.-Л. 1935: I.
- Чернов, С.Н.
1935 *М.В. Ломоносов в одах 1762 г., в: XVIII век*, М.-Л. 1935: I.